

БОРНСА И ГЛЕБА
МЕЖДУНАРОДНЫЙ ФЕСТИВАЛЬ

Черницына Марина

*Понемногу
о многом*

Международный фестиваль Бориса и Глеба

Марина Черницына

Понемногу о многом (сборник)

«Региональное отделение продюсерского центра
при Интернациональном Союзе писателей»

2017

УДК 821.161.1
ББК 84(2 Рос=Рус)6

Черницына М.

Понемногу о многом (сборник) / М. Черницына —
«Региональное отделение продюсерского центра
при Интернациональном Союзе писателей»,
2017 — (Международный фестиваль Бориса и Глеба)

ISBN 978-5-906857-94-1

В сборник вошли сказания о русских православных Святых,
стихотворения для детей, рассказы и статьи. Поэт беседует с
читателем о жизни, о любви, о вечном.

УДК 821.161.1
ББК 84(2 Рос=Рус)6

ISBN 978-5-906857-94-1

© Черницына М., 2017
© Региональное отделение
продюсерского центра при
Интернациональном Союзе
писателей, 2017

Содержание

Черницына Марина Рудольфовна	6
Стихи для детей	17
Рассказы и статьи	32
Пишу своему учителю	32
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Марина Рудольфовна Черницына

Понемногу о многом

© Марина Черницына, 2017

© Интернациональный Союз писателей, 2017

* * *

Черницына Марина Рудольфовна

Родилась 27 мая 1964 года в г. Борисоглебске в рабочей семье.

Окончила школу № 5, давшую городу огромное количество великих земляков. Затем закончила Борисоглебское медицинское училище, Борисоглебский педагогический институт. (хороший набор для воспитания детей). В 1990 году вышла замуж. Муж – священник. Шестеро детей. Первые стихи начала писать в школе. В 2009 году написала первый рассказ «Спутник на орбите».

Сказание о Святых Князьях – Страстотерпцах Борисе и Глебе

Тиха ясна ноченька, звезды в небесах
Смотрят в море синее, плещутся в волнах,
Сквозь века былинные, через дрему лет,
Льют они на землю свой прозрачный свет.

Ох, Россия-матушка, святая сторона,
Звездами на небушке твои сыновья.
Как у князя в Киеве с тех пор прошли года,
Были у Владимира любимых два дитя.

Воином искусным сын Борис прослыл,
Веру православную он горячо любил,
Писание святое часто вслух читал,
А молодой брат Глебушка тогда ему внимал.

Два брата, две березоньки росли к плечу плечо,
Любили землю русскую, друг друга горячо.
Борису князь Владимир в удел Ростов отдал,
Глебу дал он Муром, хоть тот годами мал.

А Святополк хоть старшим
среди братьев своих был,
От отца на княжение удел не получил.
Коварного и властного не любил народ,
Если б стал он править, то не счесть невзгод.

Льет свет, покоем полный, полночная звезда,
Лишь ты покой не ведала, Россия, никогда.
Роса слезой хрустальною с листа спадает вниз,
В поход на печенегов ушел святой Борис.

Но, как стрела каленая,
что в сердце больно бьет,
У реки, у Альты, настигла весть его.
Окончил в стольном граде
свой век Владимир-князь.
Ох, до чего ж не радостен был гонца рассказ.

Задумал беззаконие брат Каин-Святополк,
Один хотел он властвовать над русскою землей.
«С тобой дружина добрая,
мы все пойдем с тобой,
Тебя поставим княжить
на Киевский престол», —

Борису-князю воины твердили дружно в лад.
Но чистых светлых глаз его был спокоен взгляд.
«Не подниму руки своей на брата моего,
Как старший, пусть он будет для меня отцом.

Нет, не хочу венчать главы
кровавым я венцом,
И совесть пусть спокойно
спит пред Божеским лицом.
Довольно русской крови жаждущим степям.
Ступайте, други добрые, по своим домам».

Летела белой горлицей молитва в небеса,
Упала окровавленной к ногам она Творца.
Один молился пламенно в своем шатре Борис,
Когда лихие вороги-убийцы ворвались.

В палаты окаянного брата принесли
Бориса-князя бедного. Он чуть живой,
в крови. Нет в черном сердца брата
ни чести, ни любви,
И Святополк приспешникам
велел князя добить.

По темным по дубравушкам рыдают соловьи,
С отцом проститься в Киеве Глебушка спешит.
В пути чернее ночи настигла весть его,
Давно почил Владимир-князь,
и брат Борис убит.

Вдогонку горькой вести, как стая воронья,
Коварным братом
посланы убийцы уж спешат.
Не расправить лебедю белых два крыла,
У Смядыни-реченьки смерть его пришла.
Лежит не захоронено тело меж колод.
Земля росой туманною тихо слезы льет,
Но ангел светлоокий хранил не день, не два
Святое тело Глеба, и пошла молва

О том, как в тихом месте,
безлюдном и пустом,
Горит ночами чудный, немеркнущий огонь.
И плоть нетленну Глеба люди там нашли
И в Выжгород с любовью его отнесли.

И как при жизни были Борис и Глеб дружны,
В Выжгородском храме встретились они.

Лежат березки срублены, невинные ни в чем,
Два чистых, светлых агнеца
лежат к плечу плечо.

Безумьем был же поражен
коварный Святополк,
И окаянным на века прозвал его народ.

Помолимся, братья,
мы с верой князьям-страстотерпцам святым,
Братьям Борису и Глебу —
защитникам русской земли.
Помолимся с братской любовью,
обиды друг другу простим,
Ведь только, когда мы едины,
мы землю свою сохраним.

Сказание о Петре и Февронии Муромских

Обольщённый злом мир забыл любовь,
В мужах силы нет, в женах – кротости.
Вспомним добрый нрав мы былых времен,
О Петре святом со Февронией.

Как во Муроме было дело то,
Княже Петр спасал брата от беды.
А беда-то та – нечисть-лютый змей,
А беда-то та – змей-поганище.
Зарубил его острым он мечом,
Но забрызган был кровью черною.
От нечистой той крови змеевой
Занемог князь Петр, занеможился.
И покрылося тело белое,
Соколиное язвой с струпьями.
Посылал же он своих добрых слуг
В земли дальние, во Рязанские.
«Как искусны там люди врачевством.
Уж сыщите там вы мне лекаря».
Полетели же слуги добрые,
Словно стрелушки во все стороны.
Залетел один в дальнее село,
В дальнее село, село Ласково.
И вошел-то он в самый первый дом,
И увидел он чудо-чудное.
Сидит в горнице красна-девица,
Сидит в горнице и ткёт полотно,
Перед ней сидит зайка серенький.
Вот спросил ее добрый молодец:
– Кто ты есть така, и хозяин где?
Отвечала же дева пришлому:
– От роду я Феврония,
А отец пошел взаимы плакати.
– Что за странные говоришь слова,
Не могу понять, что глаголишь ты?
– Что ж тут понимать, на похоронах
Плачет мой отец о покойнике.
А помрет как сам, то о нем родном
Буду я с родней горько плакати.
– Вижу разума дева ты полна,
Так нужду мою помоги решить,
Князя светлого от язв исцелить,
Одарит тебя наш пресветлый князь,
Что душе своей пожелаешь ты.

– Не хочу дары я богатые,
Я хочу, чтоб князь в жены взял меня.
Ясно солнышко – небо в светлости,
Мудрая жена – мужу к радости.
Ветер ветви гнет над дубравушкой,
возмутились злы боярушки:
– Ты, Феврония, простолюдинка,
Не хотим, чтоб ты нами правила,
Наших знатных жен чтоб бесславила.
Все, что хочешь ты, забирай с собой
И ступай ты вон со двора долой,
Набирай с собой всякого добра,
Злато-серебра, жемчугов, сукна.
Отвечала так им Феврония,
отвечала так жена мудрая:
– Нет, не надо мне вашего добра,
И не надо мне злата-серебра,
Я оставлю вас, лишь возьму с собой
Мужа милого, князя светлого.

По Оке-реке той ладья плывет,
В ней пресветлый князь с молодой женой,
И слуга один вместе с ними плыл.
Он недобру мысль в голове носил.
На чужу жену он позарился,
Он Февронией любовался все.
Говорит ему мудрая жена:
– Ты воды черпни с одного борта
И испей, затем стороной другой.
Есть ли разница между сей водой?
– Нет, – ответил он. – Все одна на вкус.
– Так почто тогда ты, мой милый друг,
Позабыл жену, что она, что я,
В естестве одном —
Женска плоть одна.
Пристыдился тот и покался,
С думою дурной распрощался он.
Вот причалила к берегу ладья,
Закручинился светлый Петр-князь.
Серый мрак туман по реке плывет,
Ну, а мысль грустна на чело ползёт.
Вот Февроньюшка к мужу подошла,
Говорит ему, глядячи в глаза:
– Ты о чем, мой муж, призадумался,
Мой сердечный друг, пригорюнился,
Милостивый Бог – промыслитель всем,
Не оставит он нас с тобой в нужде.

Из-за гор встает солнце-красное,

На поклон к Петру шли бояре все:
– Ты прости-прощай, господине-князь,
Воротись ты к нам снова в Муром-град.
Как во граде стон, как во граде кровь,
Всё бояре власть делят меж собой.
Воротился князь со Февронией,
Сирий люд покрыл он любовью.
Правил в честности, справедливости,
В добродетели, с Божьей милостью.
Осень сыплет лист, белый снег – главе,
Как проходит жизнь – то приходит смерть.
Белых голубей пара – муж с женой
Просят Господа пред иконою:
– Как одну ты жизнь на двоих нам дал,
Подари нам смерти единый час
Как и в жизни сей неразлучны мы —
Так в сырой земле рядом были бы.
И чин ангельский, чин монашеский
Приняли княже Петр и Феврония.
Он Давидом стал,
А княжна его называется Ефросинией.
Осень сыплет лист, белый снег – главе.
Как проходит жизнь – то приходит смерть.
Преподобная Ефросиния
Воздух с ликами шила в Божий храм.
Передал ей Петр, что Давидом стал,
Передал ей Петр со слугой сказать:
– О, сестра моя Ефросиния,
Уж зовет меня в дальний путь Господь.
– Подожди меня, господине мой,
Дай работу в храм я доделаю.
И во второй раз он позвал ее:
– Не могу я ждать, приходи скорей.
– Подожди меня, господине мой,
Дай работу в храм я доделаю.
В третий раз зовет благоверный князь
– Нету больше сил душу удержать.
Не окончен труд, позабыт лежит,
А Феврония за Петром спешит.
Синей сини гладь простирается,
В небо птицы две поднимаются.
Чистых две души под одним крылом
Рядышком летят к Богу на поклон.
Положили их в разные гробы,
Разнесли-то их в разны стороны.
Только утром глядь, они рядышком
Во сырой земле, во могилушке.
Что своей рукой соединил Господь,
Разделить порознь никому невмочь.

Так дана была нам в пример любовь
Мужа и жены, две души в одной.

Обольщенный злом мир забыл любовь.
Вспомним добрый нрав мы былых времен.

На иконе теплый от лампы блик,
Мамина молитва, мамин грустный лик.
По щеке струится робкая слеза.
Просит Божью Матерь мама за меня,
Чтоб она в сей жизни берегла меня,
Чтобы в сердце веру крепкую дала,
Чтобы улыбался ангел надо мной,
Озаряя мысли мне улыбкой той.
Два светлых, чистых образа
я в сердце сохраняю:
Образ Богородицы, мамину слезу.

Когда уснет за горизонтом
В закате долгий день,
На землю тихую устало
Ночная ляжет тень.
Вдруг разольется на все небо
Огромный океан.
Над ним струится лунным светом
Серебряный туман.
На звездных волнах дремлет тайна,
Горит маяк луны,
Как корабли, к далеким странам,
Плывут неслышно сны.

Сказание о священном мученике Федоре Богоявленском Среднекарачанском

Позакрылося-позавесилось
Солнце ясное черной тучею,
Полегла трава под росой-слезой,
Под росой-слезой, под кровавою.
И не птица то на заре кричит,
На заре кричит, бьется как в силках.
Плачет горько мать, оченьки в слезах,
Плачет горько мать громким голосом:
«Ой вы, чадушки, две кровинушки,
Моих сына два, ясных сокола!
Уж, как я-то вас не лелеяла,
Не лелеяла и не холила,
Грудью белою не питала вас,
И под сердцем-то не носила вас.
Как пришла пора, пора смутная,
Пожирает всех война лютая,
Как вас отпустить, крылья развязать?
В путь-дороженьку благословение дать?
То ж не враг напал на Россию-мать,
Бога позабыв, бьется с братом брат.
Уж хохочет враг, уж ликует ад,
Храмы на Руси пламенем горят.
Позабыл народ Бога славить,
Пришло время змею править.
Плачет Русь-земля, плачет матушка,
Плачет вместе с ней Божья матушка.
Бьется с братом брат, льется кровь рекой,
Не излить слезой материнску боль.
Сердце матери неделимое,
Ох, сыночки вы, мои милые».
Льется желтый дождь, падает листва,
В небо храм поднял руки – два креста,
Руки – два креста, словно два крыла,
Птицею летит вольной в небеса.
Но взошла звезда, звезда алая,
Звезда алая, ох кровавая.
Сломаны кресты, пусты купола.
Только вера-то все равно жива,
Плачет свечкою пред иконою,
Нелюбимая властью новою,
Как дитя чужое – нелюбимое,
Нелюбимое и гонимое.

Льется желтый дождь, падает листва.
Отец Федор шел, дума тяжела,
Дума тяжела за родной приход,
Заковал в цепях сатана народ.
Кого страхом взял, кому ум прельстил,
Вот и дьякон-то с себя сан сложил.
Отец Федор шел, дума тяжела.
Мальчик тут к нему:
– Мне на хлеб подай,
– Как не дать тебе, скорбная душа,
Только что же ты ходишь без креста?
Крестик вот возьми, на груди храни,
Господи, дитя это сбереги.
По свече плывет восковая слеза.
В Карачан селе в храме служба шла.
Плавится ручьем, желтый воск бежит.
По доносу ворон-воронок спешит.
Пять старушек в ряд, вот и служба вся,
А у храма-то уж стоит толпа.
Восковая-то высохла слеза,
Как на паперть шел Божий-то слуга.
Оглядел народ, перекрестил он лоб,
«Что ж стоите тут? Божий храм вас ждет».
Как парнишечка руки взял в бока
И пустился в пляс: жизнь земна прошла.
Ох, Россия-Русь знать сошла с ума,
Коль танцует поп, словно без ума.
И молчал народ. В стороне одна
Матушка с детьми, катится слеза.
Ворон все кружит, воронок умчал,
Федора отца в крестный путь забрал.
Все народ стоял. Храм пустой молчал.
Только ветер все снова повторял:
«Я не пропаду». Все, что передал,
На прощанье всем батюшка сказал.
Град Борисоглебск, скорбная земля.
Сколько мучеников ты в себя приняла!
На Матрьюшкином буераке тишь,
Там часовенка на горе стоит.
На горе стоит – одинокая,
А вокруг простор – даль высокая.
Сколько душ живых здесь загублено,
Порасстреляно, позамучено,
Знает только Бог, да сыра земля,
Что невинну кровь в себя приняла.
Мать сыра земля всех в себя взяла,
Спрятала от глаз мертвые тела.
Федор где отец знает лишь она,
Да еще весной зелена трава.

Но душа его, что свята, жива,
Яркою звездой в небесах взошла.
Русь, святая мать, вольная земля,
Вера для тебя белых два крыла.
Сколько храмов и церквушечек.
В каждом почти есть свой мученик,
Есть свой мученик – воин-то Христов,
Бережет он Русь от ее врагов.

Стихи для детей

«Каждый раз твердит мне мама...»

Каждый раз твердит мне мама:
«Ни к чему такая драма,
Милый мой, не надо драться,
Надо дружно всем играть».
Нет, я маму не пойму,
Я Данила отлуплю.
Он меня щипнул под партой,
Показал язык украдкой.
Я толкнул его немножко —
Он подставил мне подножку.
В луже мы сидим вдвоём,
Вместе дружно с ним ревём.

«Туча – чёрная подушка...»

Туча – чёрная подушка
Скрыла звёздочку-подружку.
Среди туч совсем одна
В небе жёлтая луна.
Я под тёплым одеялом,
Кукла Надя со мной рядом,
Но совсем, совсем одну
Жалко жёлтую луну.
Я немножечко посплю
И звезду искать пойду.
Для луны её подружку
Утром встану и найду.

Привет

Жёлтенький цветок осенний
Я в своем саду найду,
Солнышка привет последний —
Хризантему я сорву.

Положу цветок я в ямку
На бумажке золотой,
Ото всех секрет свой спрячу,
До весны он под землёй.
Не страшна мне злая вьюга,
У меня ведь есть секрет:
Жёлтенький цветок под снегом —
Солнца ласковый привет.

Жёлтые кораблики

Осень с тихой грустью
Отпускает вдаль
Жёлтые кораблики
Вслед летящим стаям.
Жёлтые кораблики
По воде плывут,
В страны неизвестные
За собой зовут.
Там под жёлтым солнцем,
В бухте золотой
Плавают дельфины
В сказке голубой.
Я кленовый листик
С дерева сорву,
Бережно на воду
Его отпущу.
Ты плыви, кораблик,
К бухте золотой,
Прочь от зимней стужи
И метели злой.

Дождик

Дождь холодный, дождь осенний
В окна всё стучал, стучал.
Ночью он на крыше мокрой
Тихо плакал и вздыхал.

Не пустили дождик серый
В теплый и уютный дом,
И бездомного бродягу
Ангел спрятал под крылом.

Белый Ангел. Снежный Ангел,
Два сияющих крыла.
Белым снегом. Чистым цветом
Вся земля освещена.
Тихо тикают часы: Тик-так, тик-так...
Кот мурлыкает во сне,
И давно уже все спят.
В доме тихо-тихо так,
Не усну лишь я никак.
Тик-так, тик-так...
Нет. Я жду не Дед-Мороза.
Ну, зачем мне Дед Мороз?
Я лежу, смотрю в окно
На замерзшее стекло.
Там рисует снежный Ангел
Рождества чудесный праздник.
Тик-так, тик-так...
В доме тихо-тихо так.
Расцветает райский садик
На замерзшем, на окне.
Там поют негромко птицы,
Словно белые синицы.
Под мохнатыми ветвями
С голубыми огоньками
В колыбели из снежных роз
Спит младенец Иисус.
Тик-так, тик-так...
В доме тихо-тихо так.

Росинка

Моя Родина – росинка
На цветочке полевом,
Отражается в ней небо,
Солнце летним, теплым днём.
Отражается в ней небо,
Звон пасхальный над землёй,
Вербы – белые невесты
Над задумчивой рекой.
Отражается в ней небо,
Мои папа, мама, я.
Отражается в ней детство,
И вся жизнь, судьба моя.
Когда вырасту, я стану
Добрый славным казаком,
Чтоб беречь свою росинку
На цветочке полевом.
По щекам размазало
Серые дожди,
С утра плачет небо,
Солнышка не жди.
Очень грустно дома
Просто так сидеть
И в окно на дождик
Целый день глядеть.
«Ты не плачь, не надо, —
Небу я скажу, —
Хочешь, свой рисунок
Тебе покажу».
На нем светит солнце
В небе голубом
И рисует радугу
Золотым лучом.

«Лепестки роняет...»

Лепестки роняет
Цветик на окошко,
Горько плачет Лиза
У цветочной плошки.
Очень жалко Лизе
Милого цветочка.
Вырастила Лиза
Его из росточка.
Только жарким летом
Про него забыла,
Опустил цветочек
Листики уныло.
Мордочку уткнула
В Лизины ладошки,
Её утешает серенькая кошка:
«Мур..., не надо плакать,
Посмотри, у Кешки,
Нету в клетке корма
Ни единой крошки.
И грустит Трезорка,
Поиграй с ним в мячик,
Молочка налей мне
И полей цветочек».
Дом цветов наполнит
Ароматом сада,
Тех, кому ты нужен,
Забывать не надо.

Колыбельная

Баю, баю, спи, сынок,
Рот, скорее на замок.
Ночь глядит в твое окно,
И уснули все давно.

Только в дальней синеве
На огромной, на луне
Вяжет бабушка носки
У серебряной реки.

Рядом дедушка сидит
И на удочку глядит,
Золотые в сундучок
Ловит звёзды на крючок.

Чтоб зимой не мёрзли ножки,
Вяжет бабушка носочки.
Звёздами свои иголки
В Рождество украсят ёлки.

Баю, баю, мой сынок,
Засыпай скорей, дружок.

Прости

Если дома очень грустно,
Даже не с кем поиграть,
Значит с лучшим своим другом
Поругался ты опять.
Если вёл себя ты плохо,
За обедом суп пролил
И дразнил свою сестрёнку,
Папе лампочку разбил.
Лишь паук и ты в углу,
Слёзы чешутся в носу
От обиды на весь мир,
Зареветь бы, что есть сил,
Но не плачь, а лишь скажи
Слово тихое – «прости».
Ангел радужным крылом
Сразу озарит твой дом.
Прибежит играть Серёжка,
И простит тебя сестрёнка,
И весь Божий мир простит,
Пусть паук в углу сидит.

«Хмурит брови наш Андрюшка...»

Хмурит брови наш Андрюшка,
Хмурится на небе тучка,
За ней солнца не видать,
И нельзя идти гулять.
Улыбнись скорей, Андрюша,
Ты похож на эту тучу.
С таким букой – ворчуном,
Словно с пасмурным деньком.

Херувимская

Маленький мой друг, спокойно
Ты постой, хотя б чуть-чуть.
Слышишь, как в притихшем храме
Херувимскую поют.
Ярко тоненькие свечи
На подсвечниках горят,
Люди головы склонили
И в почтении молчат.
А под куполом высоко
В свете солнечных лучей
Белый ангел. Звёзды неба
Светят из его очей.
И течёт его молитва
В сердце радостным ручьём,
И тебя она коснётся
Теплым солнечным лучом.
А когда в своей кровати
Будешь ты спокойно спать,
Добрый ангел сон твой мирный
Ночью будет охранять.
Милый мой, совсем спокойно
Ты постой, хотя б чуть-чуть.
Слышишь, как на службе в храме
Тихо ангелы поют.

«Мне родители с любовью...»

Мне родители с любовью
Дали жизни свет.
Сердце в бережных ладонях
Держит ваш портрет.
Мама с папой. Папа с мамой,
Вы всегда со мной,
А любовь, что жизнь дала мне,
Солнцем над грозой
Укрывает мою душу
Средь ненастных дней,
Словно маленький росточек
Средь земных полей.
Льёт луна над миром сонным
Свет свой восковой,
Перед образом затеплю
Огонёк живой.
Как сказать мне вам, родные,
Как я вас люблю.
Перед Богом я в молитве
К вам любовь пролью.

«Не пойму никак, друзья, я...»

Не пойму никак, друзья, я,
Почему печальна мама.
Что ж, что двойку получил
И стишок я не учил.
Я ведь ей утюг чинил.
Не ломал я абажур,
Просто нужен был мне шнур,
Да и брюки я не рвал,
Лишь с забора я упал.
Не пойму никак, друзья, я,
Отчего печальна мама.
Может, когда я не видел,
Её кто-нибудь обидел?
Утром встану очень рано,
Наберу цветов из сада.
Маму милую свою
Очень сильно я люблю.

Петя-паучок

Петя-паучок старался:
Скатерть тонкую соткал.
Он к себе на день рождения
Муху Зою долго звал.
И комарика Пискушку
Он позвать не позабыл,
Даже бабочку Проскелу
В гости он зайти просил.
Но невежливые гости
Паучку сказали: «Нет,
Не придем к тебе мы, Петя,
На торжественный обед.
Скатерть ты соткал красиво,
Но еды на ней-то нет.
Что, скажи, ты будешь кушать
На свой праздничный обед?»

Пасха

Пасха! Радостная Пасха!
Как звонят колокола!
В этот день, конечно, платье
Лучшее надену я
Красное возьму яичко,
Красила его сама.
И пойдем мы все на службу,
Мама, папа, вся семья.
Пасха! Радостная Пасха!
Как звонят колокола!
Все друг друга поздравляют
И, конечно же, меня...
Только мне немножко грустно,
Жаль распятого Христа.

Рассказы и статьи

Пишу своему учителю

2008 год – год семьи. 2009 год – год молодежи. 2010 год – год учителя. Семья – основа, фундамент общества. Без молодежи немислимо его будущее. Учитель – велико его значение и неоценима роль: талантливый учитель является не только источником знаний для вверенных ему учеников, но и педагогом, воспитателем, который совместно с семьей формирует мировоззрение, закладывает духовно-нравственную основу будущего человека. Мало найдется людей, чья память бережно не хранила бы образ любимого учителя.

Открываю драгоценный ларец своей памяти, и оттуда всплывает целое созвездие моих добрых наставников, которые освещали мой путь в дни моего детства и юности.

Теплый майский день, роскошный куст сирени, суесящаяся возле него моя бывшая школьная учительница по физике и классный руководитель Юлия Александровна.

– Сейчас, Мариночка, я тебе еще вон ту веточку сорву. Придешь домой – в вазу поставишь. А знакомой скажи, пусть не переживает. Мало ли, что сыну не дается физика. Он у нее мальчик хороший, умненький. Ничего, выучит. Мне вот тоже все говорили:

– Юлия Александровна, как же так, Вы – заслуженный учитель, Вас весь город знает, а у Димки по математике с физикой – тройки.

Я ему:

– Дима, ты делаешь уроки?

Он:

– Делаю.

Под учебником книжка. Ничего, книжка хорошая, добрая, умная. Значит, интерес к знаниям есть, дальше учиться будет.

С улыбкой припоминаю:

– Юлия Александровна, а как же я? Умничка, деточка, садись, деточка, двоечка. На уроках надо слушать, а не книжки под партой читать.

– Как же, Мариночка, заставлять учиться надо. Главное – не отбить желание к учебе. Дима стал врачом – педиатром. Хорошим врачом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.